

ПЕСНЬ ЖЕЛЕЗНОГО ПОГРЕБА

ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

Валентина Садыкова
Песнь Железного Погреба

«Автор»

2026

Садыкова В. С.

Песнь Железного Погреба / В. С. Садыкова — «Автор», 2026

Илья Воронов привык иметь дело со смертью, запертой на страницах старинных книг — он столичный реставратор, знающий цену пергаментам и выцветшим чернилам. Но когда его отец, известный этнограф Михаил Воронов, бесследно исчезает в глухой вологодской деревне Глухомань, Илье приходится столкнуться с Хтонью живой, пахнувшей болотной ржавчиной и вековым тленом. Прибыв в почерневший от дождей родовой дом, Илья находит безумные дневники отца и огромный кованый ключ, оставленный жутковатой местной знахаркой. Век людей — лишь тонкая корка льда на весеннем болоте, под которой бьется и дышит Навь. Глубоко под домом, в недрах земли, покоится Кощеево ребро, сдерживаемое Железным Погребом и тридцатью четырьмя замками. И один из них сорвался. Отец пытался заменить жертву собой, но человеческие руки слабы и гниют. Теперь Илье, вооруженному лишь фаталистической решимостью реставратора, предстоит спуститься в костяную бездну. Ему нужно отреставрировать самый древний и страшный механизм в мире .

© Садыкова В. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Песнь Железного Погреба

Глава

Глава 1: Книги и кости Илья Воронов никогда не любил запах старой бумаги, хотя именно она кормила его последние десять лет. Будучи реставратором в столичной библиотеке, он привык иметь дело со смертью, запертой на страницах. Это была предсказуемая, сухая смерть: пергаменты из телячьей кожи, выцветшие чернила из дубовых орешков, мертвые жуки-точильщики, обратившиеся в серую труху между листами средневековых псалтырей. С этой смертью Илья умел ладить. Он возвращал ей форму, сшивал разорванные корешки, выводил пятна плесени и возвращал книги на полки — в безопасное, стерильное небытие. Но когда в мастерскую пришел юрист и передал ему официальное извещение о том, что его отец, известный этнограф Михаил Воронов, бесследно пропал в глухой вологодской деревне Глухомань, Илье пришлось столкнуться со смертью иной — живой, пахнувшей мокрым подзолом, болотной ржавчиной и кровью.***Дорога в Глухомань заняла почти двое суток. Последний разбитый ПАЗик высадил Илью на растрескавшемся асфальтовом пятачке, дальше которого цивилизация заканчивалась. Вела туда лишь разбитая тракторная колея, густо заросшая папоротником и ядовитыми зонтиками борщевика. Небо над головой висело низкое, свинцовое, словно вымазанное золой. Вокруг раскинулся бесконечный, угрюмый северный лес — хвойный океан, который, казалось, медленно, по сантиметру в год, пожирал остатки человеческого жилья. Родовой дом Вороновых стоял на самом отшибе, у крутого обрыва над лениво текущей, черной речушкой. Это была огромная двухэтажная изба-пятистенка, почерневшая от времени и таежных дождей. Нижние венцы дома, срубленные еще в позапрошлом веке из мореной лиственницы, отсюда, снизу, напоминали ребра гигантского ископаемого ящера, ушедшего тяжелым брюхом глубоко в землю. Илья остановился у покосившегося крыльца. Тяжелый рюкзак с инструментами для реставрации — скальпелями, зажимами, костяными гладилками и спиртовыми растворителями — оттягивал плечи. Зачем он тащил всё это сюда из Москвы? Наверное, сработала привычка реставратора: когда мир вокруг трещит по швам, нужно держать при себе то, что возвращает вещам порядок. Он толкнул тяжелую лиственничную дверь. В нос тут же ударил знакомый, до боли родной запах отцовского трубочного табака, сушеных трав и — странно — сырой рыбы и речного ила. — Отец? — крикнул Илья в липкую темноту сеней, хотя заранее знал, что никто не ответит. Внутри дома царил хаос, характерный для человека, который уходил либо в страшной спешке, либо в припадке полного безумия. На полу вперемешку валялись карточки с полевыми записями, разбитые стеклянные фотопластинки с видами северных погостов, обрывки старинных заговоров, записанных от руки. На большом дубовом столе, придавленная тяжелым медным подсвечником, лежала раскрытая общая тетрадь в черном коленкоровом переплете — полевой дневник отца. Илья зажег керосиновую лампу. Электричество в доме, очевидно, давно отрезали за неуплату, и фитиль неохотно разогнал углы комнаты, бросая на бревенчатые стены длинные, подрагивающие тени. Он сел за стол, не снимая куртки, и подтянул тетрадь к себе. Чернила на последних страницах были свежими, местами расплывшимися от упавших сверху капель воды. Или слез.> *«14 апреля. Они думают, что Кощей — это просто чахлый старик в короне из сказок Афанасьева. Дураки. Христианство лишь навело глянец, построило церкви поверх того, что исстари лежало под кожей земли. Кощей — это кость. Костяной каркас Нави. То, что держит эти болота, эти хребты и черные воды. Под Глухоманью лежит его ребро. Железный Погреб, который прадеды заковали в тридцать три замка, истончился. Металл гниет. Когда земля промерзает, оно молчит. Но сейчас идет оттепель. Навь дышит. Она поет голосом Сирина. Если я не закрою засов, Глухомань станет первой пастью»*Илья потер воспаленные от долгой дороги глаза. Отец всегда был эксцентричным

исследователем, увлекался неоязычеством, славянским шаманизмом и демонологией, но эти записи походили на маниакальный бред, на чистую паранойю угасающего ума. Ребро Кощея? Железный Погреб? Отец просто переработал, сошел с ума от одиночества в этой глуши. Вдруг половицы в глубине дома скрипнули. Звук был не сверху и не снаружи. Он шел из коридора, ведущего в темный подпол. Это был тяжелый, влажный шлепок, будто кто-то ступал босыми ногами, густо измазанными в жидкой речной глине. Илья замер, сердце бешено заколотилось в грудную клетку. Он медленно поднялся, сжав пальцы на тяжелом латунном подсвечнике. Холод металла немного отрезвил его. — Кто здесь? — спросил он, чувствуя, как вдоль позвоночника пополз липкий, предвечный холодок. Из темноты дверного проема показался силуэт. Илья невольно отшатнулся. Это была женщина. На ней был старинный, выцветший до серости сарафан, а лицо скрывал темный платок, повязанный по-старообрядчески — низко, до самых бровей. В худых, узловатых руках она держала пучок сухой, горько пахнущей полыни. — Вы... вы Настасья? — догадался Илья. Отец упоминал в письмах местную знахарку, которая иногда приносила ему молоко и травы. Женщина не ответила. Она сделала шаг вперед, и в блеклом свете керосиновой лампы Илья разглядел её лицо. Оно было желтым, иссеченным глубокими морщинами, словно кора старого дерева. Настасья приоткрыла рот, силясь что-то сказать, но из её горла вырвался лишь жуткий, сухой хрип. Она была немой. Илья с ужасом заметил, что её язык был странно укорочен, будто его намеренно подрезали под самый корень, лишая возможности произносить человеческие слова. Настасья резко протянула к нему руку. Ладонь её была испачкана в черной, жирной земле, которая уже забила под ногти. На этой ладони лежал огромный, кованый железный ключ, покрытый глубокими зазубринами и бурыми пятнами ржавчины. Илья нерешительно протянул руку и взял его. Металл оказался обжигающе ледяным, от него пахло старой кровью и окалиной — так пахнут рельсы после прохождения тяжелого товарного состава. Настасья пристально посмотрела ему прямо в глаза. В её взгляде не было безумия, там застыла глухая, фаталистическая обреченность. Она указала пальцем на ключ, затем на дневник отца и, наконец, ткнула сухим костлявым перстом в пол — туда, где под ковром скрывался тяжелый люк подпола. Она сделала несколько гортанных, давящихся звуков, которые Илья, к своему ужасу, перевел интуитивно, по шевелению её искусанных губ: *«Ключ от тридцать четвертого замка. Михаил ушел вниз. Теперь твоя очередь, книжник»*. Не успел Илья опомниться, как Настасья резко повернулась и ушла так же внезапно, как и появилась. Дверь в сени хлопнула, и её силуэт растворился в сизом, ватном тумане, который с наступлением ночи выползал из низины и потихоньку просачивался сквозь щели половиц прямо в жилые комнаты. Илья остался один. В тишине дома огромный железный ключ в его ладони казался непомерно тяжелым, словно весил не меньше пуда. На часах было около полуночи. Самое время, чтобы бежать отсюда, но колесные следы за окном уже смыло поднявшейся болотной водой. Глухомань заперла его внутри. Он попытался прилечь на старый топчан в углу, накрывшись курткой, но сон не шел. Старый дом жил своей собственной, пугающей жизнью. В углах что-то шуршало, бревна поскрипывали от сырости, а из глубоких недр земли, прямо из-под половиц, доносился мерный, глухой стук. Он был похож на удары далекого, погребенного под толщей грунта колокола. Или на удары огромного, медленного сердца. Илья закрыл глаза, надеясь, что это просто галлюцинация от усталости. Но ровно в полночь стук прекратился. И вместо него из-за окна, со стороны реки и туманного болота, раздалось пение. Это не было человеческим вокалом. Звук был невероятной, неземной красоты и силы. Голос переливался чистыми серебряными колокольчиками, он манил, звал по имени, обещал абсолютный покой, забвение и прекращение всей земной боли. Но за этой чарующей сладостью скрывалась бездонная, ледяная, голодная пустота. От этой песни у Ильи мгновенно заныли зубы. Голова налилась свинцом, а из левой ноздри потекла тонкая, горячая струйка крови. Он вскочил, зажав уши ладонями, но пение звучало не снаружи — оно вибрировало прямо внутри его черепа, заставляя кости резонировать. *«Приди к матушке, приди к сырой

Омой кости свои во черной воде, забудь горе свое, забудь имя свое»*Задыхаясь, Илья схватил керосиновую лампу и бросился к отцовскому шкафу. Ему нужно было найти зацепку, понять, с каким кошмаром столкнулся его отец, прежде чем этот голос окончательно выжжет ему разумение. Пальцы реставратора лихорадочно перебирали папки, пока не наткнулись на старинную, обтянутую потемневшей телячьей кожей книгу. Отец, судя по всему, тайно выкрал её из какого-то закрытого монастырского архива. Это был «Сборник о заложных покойниках и силах подземельных», датированный семнадцатым веком. Листая хрупкие, ломкие страницы, Илья нашел главу, написанную убористым полууставом. Его профессиональный взгляд реставратора мгновенно впился в пожелтевшие строки: > *«...А ежели кто умрет без креста, или сам на себя руки наложит, или в болоте без вести пропадет — того земля не принимает. Ибо земля есть плоть Божья, чистая. И остаются те покойники заложными, и берет их под крыло свое Птица Навья, Сирия нареченная. Ликом она дева чистая, а телом — вороница лютая. Поет она песни сладкие, дабы живых в могилу свести, ибо Хтонь подземная, Кошечья кость, требует мяса живого, дабы раны свои залепить. А кто песню ту услышит и не закроет уши воском, тот пойдет за ней, яко овца на заклятие...»*Илья похолодел. Книга едва не выпала из его дрожащих рук. Он вспомнил то, о чем в семье никогда не говорили вслух. Его мать, Елена Воронова, умерла, когда ему было всего три года. Она не просто умерла — она утонула здесь, в этой самой речке у дома. Отец тогда в одночасье замкнулся в себе, бросил престижную кафедру в столичном университете и уехал сюда, в глухую вологодскую глушь. Все эти годы Михаил Воронов искал здесь не фольклор. Он искал её. И, кажется, нашел. В этот момент стук под полом повторился. Но теперь это был не глухой подземный гул. Это был явственный, яростный стук в деревянные доски снизу. Кто-то — или что-то — со страшной силой ломился наружу, пытаясь выбить тяжелую дубовую крышку погреба. Илья, словно привязанный, медленно подошел к люку. Он откинул старый половик. Люк был окован крест-накрест толстыми железными полосами и заперт на три огромных амбарных замка. Но рядом на полу, вросшие в болотную жижу, лежали десятки других замков — сломанных, раздавленных, перекушенных какой-то чудовищной, нечеловеческой силой. Земля под домом буквально выдавливала их из себя, как занозы. — Отец?.. — прошептал Илья, переборов ужас и прижавшись ухом к холодному, склизкому дереву люка. Из глубокой, могильной низа раздался тяжелый, прерывистый вздох. Этот голос принадлежал Михаилу Воронову, но он хрипел и клочкотал так, словно легкие старика были доверху забиты речным песком и болотной жижей. — Илья сынок — донеслось из темноты. — Не верь ей. Она поет не мне. Она поет нам обоим. Принеси кровь. Без крови засов не удержится. Слова отца оборвались жутким, пронзительным птичьим клекотом, от которого массивный люк под ногами Ильи подпрыгнул, едва не выломав петли. Из щелей между досками фонтаном брызнула черная, маслянистая жидкость, пахнувшая гнилой водой и вековым тленом. Она мгновенно залила ботинки Ильи, и в отражении этой черной жижи, в тусклом свете керосиновой лампы, ему на мгновение показалось, что из глубины подпола на него смотрят огромные, немигающие женские глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.